

Импортозамещение в мясной промышленности: экспансия за доллар¹

Е.А.КАПОГУЗОВ, доктор экономических наук. E-mail: egenk@mail.ru
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск
ORCID: 0000-0001-8083-5654

Р.И.ЧУПИН, кандидат социологических наук. E-mail: roman-chupin@ya.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск
ORCID: 0000-0002-8904-1380

М.С.ХАРЛАМОВА, ведущий инженер. E-mail: hms2020@mail.ru
Омский научный центр СО РАН, Омск
ORCID: 0000-0003-4144-5893

Аннотация. Агробизнес неожиданно столкнулся с новой проверкой на прочность. Сокращение спроса за счет приостановки работы организаций общественного питания и торговли и снижения доходов населения из-за противоэпидемиологических мер показали проблемы и преимущества ускоренного импортозамещения. В предыдущие пять лет продовольственное эмбарго и политика импортозамещения расчистили дорогу отечественным производителям на высококонкурентном рынке продовольственных товаров, обеспечили рост спроса и ускоренное увеличение предложения российской продукции на внутреннем рынке. Однако падение спроса на фоне возросшего предложения, достигаемого за счет государственных вливаний и отсутствия зарубежной конкуренции, теперь оказывает давление на оптовые цены и вынуждает производителей искать новые рынки сбыта. Анализ итогов импортозамещения, на данном этапе уже исчерпывающего свой потенциал, показал неэффективность политики экспансии на внешние рынки при существующих условиях. Сокращение государственной поддержки агропромышленного комплекса, ставшей национальным приоритетом экономической политики, производители отмечают среди главных рисков дальнейшего развития.

Ключевые слова: мясная промышленность; продовольственное эмбарго; санкции; пандемия коронавируса; продовольственная независимость; продовольственная безопасность; пандемия; экспансия на внешние рынки

Введение

Аграрный сектор встречает все новые вызовы. В 2020 г. к антироссийским санкциям и ответным мерам России, на фоне общего замедления темпов роста аграрной промышленности

¹ Статья выполнена по государственному заданию ИЭОПП СО РАН, проект XI.174.1.1. (номер госрегистрации АААА-А17-117022250133-9).

прибавилось новое испытание – пандемия коронавируса и вызванное ею снижение деловой активности и доходов населения. Какова же роль проводимой политики импортозамещения в обеспечении продовольственной безопасности страны в новых условиях?

Перед тем, как оценить складывающиеся тренды, предлагается подвести итоги предыдущего пятилетия ускоренного развития АПК в условиях контрсанкций, по поводу которых так и не сложилось единого мнения. Дискуссии относительно выигрышей и потерь российской аграрной промышленности не теряют своей актуальности, всё больше отдаляясь от формирования единой точки зрения. Отечественные авторы не могут сойтись во мнении даже по поводу того, является ли отмена экономических санкций позитивным или негативным сценарием для России.

Предлагается упорядочить обзор итогов «пятилетки» продовольственного эмбарго и их ключевые противоречия по основным блокам [Фрумкин, 2015]: производственному, организационному и потребительскому (табл. 1).

Таблица 1. Некоторые ключевые противоречия в оценке последствий контрсанкций по блокам: производство, потребление, организация

Блоки	Плюсы и минусы	Ключевые последствия
Организационно-структурные	+	Возможность контроля производства «от поля до прилавка» и аллокация ресурсов
	-	Рост концентрации и вытеснение малого и среднего бизнеса, реструктуризация производственных и логистических цепочек
Торгово-производственные	+	Рост выпуска и диверсификация бизнеса, дополнительные инвестиции и льготы, свободные рыночные ниши, за счет сокращения конкуренции с зарубежными производителями
	-	Высокая зависимость от господдержки, рост расходов на сырье и оборудование импортозависимых предприятий
Социально-потребительские	+	Позитивные тенденции по целевым агрегированным показателям самообеспеченности и доступности
	-	Снижение ассортимента, рост цен и расходов на продукты

Поляризация мнений нарастает одновременно в нескольких направлениях по каждому блоку схемы. Во-первых, что касается влияния на рядового потребителя, с одной стороны, отмечаются положительные тенденции по агрегированным показателям: самообеспеченности, согласно данным государственной статистики, и экономической доступности, которая характеризуется устойчивостью, согласно исследованиям

Высшей школы экономики; с другой стороны, имеют место снижение ассортимента и качества продуктов, а также рост расходов на продукты питания.

Во-вторых, между производителями-бенефициарами, которые получили свободные от конкуренции с зарубежными субститутами рынки и/или государственную поддержку, и «оставшимися за бортом» – теми, кто не получил поддержки и столкнулся с ростом затрат на импортные составляющие своей продукции. Преимущества при этом получили производители не только определенных продуктов, но и имеющие определенную форму организации и влияние (главным образом это – крупные вертикально интегрированные холдинги [Барсукова, 2016]), тогда как в проигрыше остался малый и средний бизнес.

В-третьих, на уровне проводимой политики в целом, между протекционистами (в крайней степени – утопистами, отстаивающими необходимость полной самообеспеченности и экспансии) и «алармистами»², отмечающими естественность специализации, предупреждающими о невозможности сохранения конкурентного уровня качества и воспроизводства всех новейших технологий и разработок в одной стране.

Некоторые ключевые итоги влияния эмбарго на среду АПК

В августе 2019 г. миновало пять лет с даты введения российского продовольственного эмбарго. Несмотря на то, что опыт развития сельского хозяйства в условиях действующих рестрикций в российских научных публикациях характеризуют преимущественно как позитивный для отечественного производства, а политика «умных санкций» (*smart sanctions*) [Cortright & Lopez, 2002] оценивается как оказавшая стимулирующий эффект, «пятилетка» для аграрной промышленности показала весьма противоречивые результаты.

Говоря об эффективности введенных ограничений по их прямому назначению как инструмента давления, принуждения к выполнению определенных условий, стоит отметить, что

² В социологии «алармистами» называют целое направление, описывающие «общество риска» в условиях глобализации. Мы отмечаем, что растущие риски в эпоху глобализации как раз передают настроения экспертов, акцентирующих внимание на последствиях «разрыва» связей с глобальной экономикой.

вплоть до 2018 г. рост отечественного сельскохозяйственного сектора составлял около 3–5% в год. Однако в 2018 г. впервые после введения санкций индекс производства продукции сельского хозяйства сократился по всем категориям хозяйств на 0,6%, по сельскохозяйственным организациям – на 0,3% (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)³. Отметим, что изолированный от российских потребителей Евросоюз в тот год достиг рекордного показателя экспорта аграрного сектора в 137 млрд евро⁴.

Как известно, бремя санкций ложится преимущественно на население страны, к которой они применяются, при этом оставляя издержки антиправительственных действий непомерно высокими [Oskarsson, 2012]. В этом контексте российский потребитель должен был пострадать дважды: в результате введенных международных санкций и ответных контрсанкций.

Казалось бы, в отношении потребителей отмечаются достаточно устойчивые показатели экономической доступности продуктов продовольствия [Бородин, 2018]. Однако здесь стоит подробнее остановиться на сводном показателе доступности, с учетом последних научных разработок и модификаций. Так, в частности, К. Г. Бородин отмечает несоответствие используемого в отечественной литературе и Доктрине продовольственной безопасности понятия экономической доступности его определению за рубежом и предлагает его расчет по методике, близкой к международной, так как полностью аналогичные оценки на основе российской статистики невозможны.

Кроме того, в представленной работе за минимальное значение показателя экономической доступности принята единица, которая означает, что «потребитель имеет возможность приобрести только один официально утвержденный минимальный набор продуктов питания» (здесь рассматривается отношение доли среднедушевого дохода, расходуемого на продукты питания, к стоимости фиксированного набора продовольствия в потребительской корзине). Даже в этих условиях в 12

³ Росстат: Россия в цифрах 2019. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/rusfig/rus19.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

⁴ 5 лет «санкционке». Как запрет на европейские продукты сказался на России. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ac37b779a79471cdd2efe4d> (дата обращения: 15.08.2019).

из 14 рассмотренных субъектов Федерации этот минимум не достигается хотя бы в одном из 12 месяцев в году.

Представляется, что данный показатель не является свидетельством стабильной ситуации в отношении экономической доступности и требует доработки, так как получается, что в определенные периоды средний потребитель тратит на продукты питания меньше, чем необходимо для покупки хотя бы одного фиксированного набора продуктов. В связи с этим предлагается вернуться к динамике показателей, на которые целесообразно обратить особое внимание при расчете агрегированного показателя доступности.

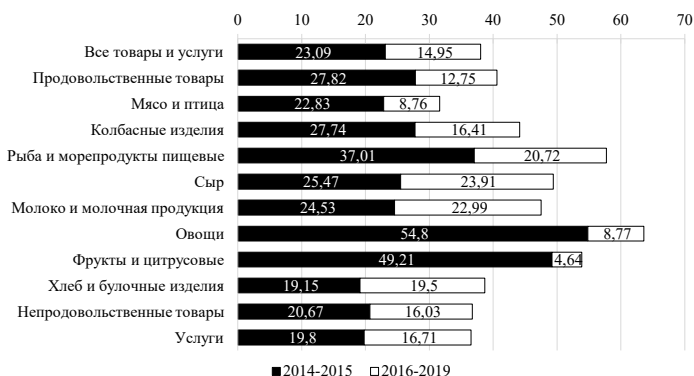
В составе потребительских расходов домашних хозяйств расходы на продукты питания и безалкогольные напитки составляют около 30%, начиная с 2009 г. (30,5%) эта доля ежегодно сокращалась до 2013 г. включительно (27,6%), в 2014 г. возросла до 28,5%, в 2015 г. – до 32,1%, и так и не вернулась на докризисный уровень⁵. В год введения продовольственного эмбарго произошли резкий рост величины прожиточного минимума [Нуреев, Петраков, 2015] и падение соотношения среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума (с 3,55 в 2013 г. до 3,17 в 2018 г., за 1–2-й квартал 2019 г. также отмечается сокращение показателя по отношению к 1–2-му кварталу 2018 г.⁶), что привело к росту доли расходов на продукты питания. Цены на основные продукты питания показали резкий рост в первые два года с введения эмбарго (рис. 1), отмечается рост цен на овощи и фрукты в 1,5 раза, почти на 40% – на рыбу и морепродукты. Из приведенных категорий минимальный прирост цен приходится на категорию мяса и птицы, где, как будет отмечено далее, замещение импорта удалось в наибольшей степени.

При этом динамика потребления основных продуктов питания преимущественно негативная: потребление хлебных продуктов (хлеба и макаронных изделий в пересчете на муку, муки, крупы и бобовых) сократилось на 3 кг на душу населения в год; потребление фруктов и ягодросло до введения

⁵ Уровень жизни. Росстат. URL: http://www.perepis2006.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 20.05.2020)

⁶ Росстат: величина прожиточного минимума. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.doc (дата обращения: 02.09.2019).

эмбарго, затем сокращалось в 2015–2017 гг.; потребление мяса и мясопродуктов сохраняется на уровне 2013 г.; потребление молока и молочной продукции сократилось на 17 кг; картофеля – на 8 кг; рыбы и рыбопродуктов – на 7 кг (даже в живом весе, что подвергается отдельной критике^{7,8}, и с учетом пересчета Росстата (указано в примечании к рис. 2), повысившего эту величину приблизительно на 2–4 кг).

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31074>

Рис. 1. Прирост цен на некоторые категории продовольственных товаров, непродовольственных товаров и услуг в 2014–2019 гг., %

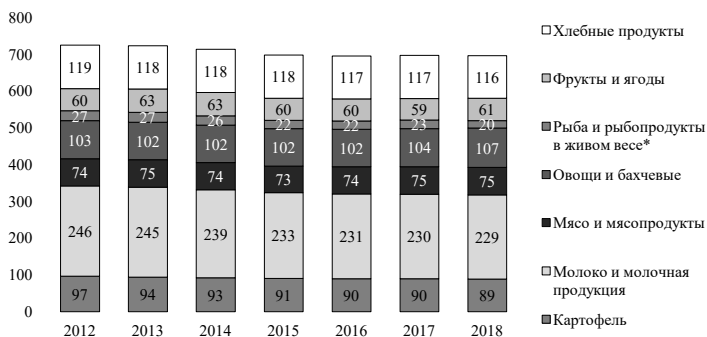
На взгляд авторов, поляризация взглядов по вопросу влияния санкций на рядового потребителя обусловлена преимущественно различиями в методологии, а именно использования агрегированных показателей с опорой на недостаточно разработанные определения экономической доступности продовольствия и нормативные целевые показатели, не развивающиеся с позиций потребителя и обеспечения определенного качества продукции.

Отметим, что за период с 2014 г. по 2018 г. уровень самообеспечения по основным продуктам питания возрос

⁷ Росстат кормит россиян чешуей и хвостами. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/economics/2019-08-28/1_7661_fish.html (дата обращения: 25.05.2020).

⁸ Рыба идет мимо. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3487180> (дата обращения: 25.05.2020).

в среднем на 2–5% по всем позициям, кроме картофеля (минус 6%) и мяса и мясопродуктов (рост более 10%)⁹.

Источник: на основе данных Росстата. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls>

Примечание. *Данные по рыбе и рыбопродуктам пересчитаны с учетом изменения методологии расчета статей баланса рыбы и рыбопродуктов в живом весе (весе сырца) «Переработка на непищевые цели» и «Потери», одобренной на заседании Научно-методологического совета Росстата

Рис. 2. Потребление основных продуктов питания по Российской Федерации в 2012–2018 гг. на душу населения в год, кг

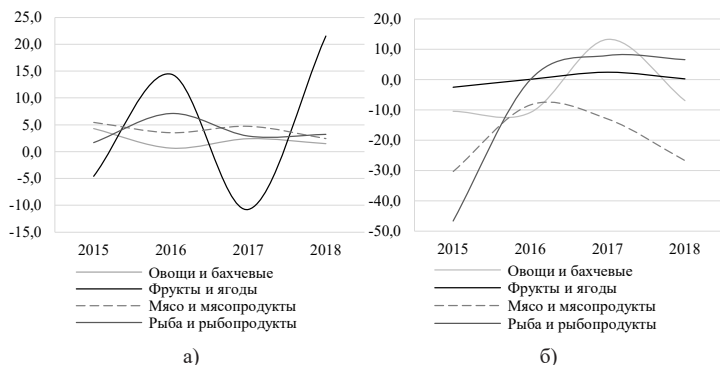
В результате введения продовольственного эмбарго преимущество в виде свободного от зарубежной конкуренции рынка получили российские производители мяса, овощей и фруктов. Производство фруктов и овощей и мяса и мясопродуктов возросло в 2018 г. по отношению к 2014 г. на 18% и 17% соответственно. При этом импорт фруктов остался на прежнем уровне, в то время как импорт мяса и мясопродуктов сократился на 60% (рис. 3). В связи с этим Минсельхоз отмечает, что наибольший вклад в успехи импортозамещения внесла мясная отрасль¹⁰.

Эксперты подметили, что в рамках государственной политики связываются воедино понятия «импортозамещение»

⁹ Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации. Росстат. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13278> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁰ Продуктовая политика: какими результатами «отмечают» три года эмбарго. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/08/2017/598305b79a7947fdd8de81e3> (дата обращения: 20.02.2018).

и «антисанкции» [Барсукова, 2016. С. 68]. Главными выгодополучателями такой связки стали крупные агрохолдинги, государственная поддержка которых легитимизируется под лозунгами наращивания экспорта продовольственных товаров. В этом смысле крупнейшие мясные агрохолдинги (в том числе «Мираторг», «Черкизово» и «Русагро») стали «фаворитами» государственной поддержки [Барсукова, 2017. С. 40], так как интегрированность их бизнеса и технологическое оснащение в совокупности с колоссальными для отрасли финансовыми ресурсами позволяют реализовывать необходимые для целей продовольственной безопасности проекты.

Источник: на основе данных Росстата. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls>, https://www.gks.ru/storage/mediabank/bal_8.xls

Рис. 3. Прирост производства (а) и импорта (б) основных категорий продуктов питания в 2015–2018 гг., %

Это приводит к тому, что «мясные короли» постепенно становятся драйверами развития всего АПК путем усиления диверсификации бизнеса по принципу «от поля до прилавка», получая государственную поддержку проектов в области растениеводства, логистики и дистрибуции, биотехнологий.

Однако данные тенденции не позволяют сделать однозначного утверждения в пользу устойчивости российского АПК и, в частности, мясной отрасли перед лицом новых вызовов. В случае снятия продовольственного эмбарго или нарастания оборотов кризиса 2020 г. существующая модель развития АПК, в центре которой находятся крупные агрохолдинги,

не гарантирует обеспечения продовольственной безопасности России.

Итоги импортозамещения на рынке мяса и мясopодуKтоB

В условиях резкого сокращения импорта и увеличения уровня самообеспеченности¹¹ достигается целевой уровень в 85% отечественной сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка, заданный Доктриной продовольственной безопасности как в версии 2010 г.¹², так и в ее новой редакции 2020¹³ (рис. 4).

Отметим, что уровень самообеспеченности, как и множество других целевых показателей Доктрины, в большей степени является ориентиром для производителей (точнее, основанием для получения господдержки, что объясняет стремление, например, производителей фруктов и овощей к включению параметров самообеспеченности по данным продуктам). При этом потребители, по мнению некоторых экспертов, в новой редакции Доктрины снова остались без должного внимания¹⁴ [Тютюник, 2016], что, в сущности, противоречит международным стандартам и закрепленному в научном дискурсе определению продовольственной безопасности, которая во главу угла ставит именно потребителя, физическую и экономическую доступность

¹¹ Самообеспеченность определяется как отношение производства к сумме производственного потребления, личного потребления и потерь [Пожидаева, 2016], динамика показателя за более ранний период (до 2015 года), а также расчеты в разрезе регионов представлены в источнике [ШаКленина и др., 2018].

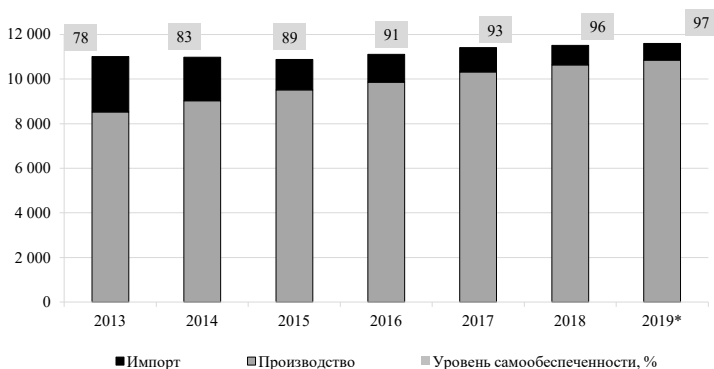
¹² Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: Утв. Указом Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=14932646860988107056303676&cacheid=C9EBF4408097A864657A142A30D272FF&mode=splus&base=LAW&n=96953&rnd=1B65ABF7FC4A4B1A47DFC5ED5BB3A926#1j33a9tl3i7> (дата обращения: 29.03.2020)

¹³ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: Утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=343386&fld=134&dst=100016,0&rnd=0.9903781005064305#08850866624066387> (дата обращения: 29.03.2020)

¹⁴ Безопасность обеспечат по-новому. Может ли способствовать развитию АПК новая доктрина продовольственной безопасности. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/33321-bezopasnost-obespechat-po-novomu-mozhet-li-sposobstvovat-razvitiyu-apk-novaya-doktrina-prodovolstven/> (дата обращения: 29.03.2020).

для него качественного продовольствия¹⁵. В этом смысле в отечественной Доктрине речь должна идти не о безопасности, а о продовольственной независимости.

Внутри агрокомплекса по большинству целевых показателей лидером является мясная отрасль.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/11188?print=1>

Примечание. * За 2019 год предварительные данные.

Рис. 4. Уровень самообеспеченности по данным баланса ресурсов и использования мяса и мясопродуктов (в убойной массе) в 2013-2019 гг., тыс. т

В отношении отечественных производителей мяса и мясопродуктов рестрикции оказали стимулирующий эффект для замещения освободившейся рыночной ниши, наблюдаются существенный прирост объемов производства и снижение импортозависимости. Однако, несмотря на возрастающие объемы производства мяса и мясопродуктов в натуральном выражении, их темпы прироста существенно замедляются начиная с 2014 г., когда этот показатель составил 5,9%, в 2016 г. – уже 3,5%, а в 2018 г. – 2,4%, притом что даже во время кризиса 2007–2009 гг. производство увеличивалось более чем на 7% ежегодно. Отметим, что в продолжение всего периода темп прироста

¹⁵ Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности / Всемирный саммит по продовольственной безопасности (Рим, 16–18 ноября 2009 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 20.03.2020).

импорта возрастал до 2008 г., сократился в 2009 г. на 10% под влиянием кризиса и оставался на стабильном уровне до 2014 г., в котором последовало его резкое сокращение на 21,3%. Итого в 2018 г. по отношению к 2013 г. импорт сократился на 68% (табл. 2).

Таблица 2. Ресурсы и использование мяса и мясopодуктов (в убойной массе) в 2012–2019 гг., тыс. т

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019*
Ресурсы								
Запасы начало года	790,5	838,0	870,0	807,3	812,0	804,3	862,0	912,0
Производство	8077,7	8525,7	9026,1	9518,6	9853,9	10319,5	10629,7	10840,1
Импорт	2710,4	2480,0	1952,1	1359,6	1246,4	1084,6	879,7	748,0
Итого ресурсы	11 578,6	11 843,7	11 848,2	11 685,5	11 912,3	12 208,4	12 371,4	12 500,1
Использование								
	56,8	51,1	56,2	46,9	49,6	32,7	29,1	24,9
Потери	22,9	18,6	18,1	17,8	17,0	15,6	18,3	14,1
Экспорт	127,7	117,2	135,3	143,3	236,2	307,4	354,4	414,9
Личное потребление	10533,2	10793,0	10831,3	10665,5	10805,2	10990,7	11057,6	11165,3
Запасы конец года	838,0	863,8	807,3	812,0	804,3	862,0	912,0	880,9
Итого использование	11 578,6	11 843,7	11 848,2	11 685,5	11 912,3	12 208,4	12 371,4	12 500,1

Источник: составлено по данным Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/11188?print=1>

Примечание. * За 2019 г. предварительные данные.

Все большая доля производства мяса концентрируется в сельскохозяйственных организациях. Если в 2000 г. она составляла 40,2%, то в 2014 г. – 72,8%, а к 2018 г. – увеличилась до 78,9% (от общего объема производства скота и птицы в убойном весе). В 2018 г. 25 крупнейших организаций выпускают половину от общероссийского производства мяса или 60% от выпуска сельхозорганизаций¹⁶. Согласно индексу концентрации, 40% от общероссийского производства в 2016 г. приходилось на 20 крупнейших фирм, в 2017 г. – на 17, а в 2018 г.

¹⁶ Лидеры добавили мяса. «Агроинвестор» составил четвертый ежегодный рейтинг крупнейших производителей. URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/31857-lidery-dobavili-myasa/> (дата обращения: 20.07.2019).

эту долю производили уже 15 компаний (табл. 2), тогда как половина совокупного выпуска 25 крупнейших компаний отрасли приходится всего на пять игроков. За последние три года доля лидеров рынка возросла на 5% от общего производства, в то же время список топ-25 остается почти неизменным (в 2016 г. он отличался всего на 1 позицию). Росли и прибыли лидеров: в 2018 г. основатели крупнейших игроков «Черкизово» и «Мираторг» впервые дополнили список богатейших семей России¹⁷.

При этом рынок проходит точку насыщения, дальнейшее укрупнение ключевые игроки реализуют преимущественно через сделки M&A. И хотя приведенные в таблице 2 индексы пока далеки от пороговых значений, свидетельствующих о сильной концентрации, тенденция их изменения нам кажется весьма показательной.

Таблица 3. Показатели концентрации по крупнейшим производителям мяса в убойном весе в 2016–2019 гг.

Показатели концентрации	2016	2017	2018	2019*
Число компаний, выпускающих 40% от всего производства в РФ	20	17	15	12
Индекс Херфиндаля-Хиршмана по крупнейшим 25 компаниям	127,89	139,69	144,14	248,22
Индекс Херфиндаля-Хиршмана по крупнейшим 20 компаниям	125,47	137,38	141,62	245,89

Источник: рассчитано авторами по данным «Агроинвестор». URL: www.agroinvestor.ru/rating/article/31857-lidery-dobavili-myasa/

Примечание. *За 2019 г. представлена оценка показателей с учетом сохранения структуры рынка и завершения покупки «Приосколье» Группой «Черкизово».

Однако, на наш взгляд, такая ситуация порождает специфические риски для дальнейшего развития отрасли. Так, имеются исследования, показывающие, что экономические санкции существенно усилили неопределенность и подорвали доверие инвесторов отечественного мясного рынка, что, в частности, отразилось в снижении прямых инвестиций [Нуреев, Бусыгин, 2016]. Российские производители в условиях активной государственной поддержки сельского хозяйства, которая превысила к 2019 г. 300 млрд руб.,¹⁸ теряют стимулы

¹⁷ Владельцы «Мираторга» и «Черкизово» вошли в рейтинг богатейших семей страны. URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/news/32318-reyting-bogateyshikh-semey-strany/> (дата обращения: 03.09.2019).

¹⁸ 5 лет «санкционке». Как запрет на европейские продукты сказался на России. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ac37b779a79471cdd2efe4d> (дата обращения: 15.08.2019).

вложения собственных средств в свое развитие. Сокращение государственной поддержки отмечается среди ключевых рисков дальнейшего роста отрасли.

Кроме того, как отмечается в исследовании С. Ю. Барсуковой: «Риторика форсированного импортозамещения стала удобной логикой оправдания безоговорочного приоритета аграрной политики в пользу крупных и сверхкрупных игроков рынка» [Барсукова, 2016. С. 70], тогда как фермеры были «вытеснены на периферию аграрной политики, несмотря на то, что они дают 10% валовой продукции сельского хозяйства» [Барсукова, 2017. С.40]. Мясная отрасль не стала исключением из правил. Под влиянием закона о Техническом регулировании ограничены возможности фермеров и личных подсобных хозяйств на подсобный забой скота, установлены непреодолимые барьеры входа в розничные каналы сбыта, а также введена система сертификации «Меркурий», последствия которой для малых товаропроизводителей еще предстоит оценить.

При этом, как показал комплексный анализ, проведенный на основе динамики индекса калорийности, проводимая политика ответного эмбарго оказалась контрпродуктивной для рядового потребителя мяса и мясосодержащей продукции [Капогузов и др., 2017].

Таким образом, импортозамещение действительно способствовало росту производства продукции мясной промышленности, но при этом подотрасль оказалась перед лицом новых вызовов, включая негативные последствия пандемии. На данном этапе их трудно оценивать как из-за узкого перечня оперативных данных, так и высокой неопределенности относительно будущего развития событий, однако некоторые тренды и проблемы выращенного в «неестественной среде»¹⁹ агросектора уже проявили себя.

Перед лицом новых вызовов

Насыщенность внутреннего рынка по свинине и курице, приближающаяся к стопроцентной, оказывает давление на цены: снижение цены свинины в убойном весе, начавшееся во второй

¹⁹ Неестественная среда. Как продовольственное эмбарго повлияло на развитие отечественного АПК. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/32365-neestestvennaya-sreda/> (дата обращения: 20.12.2019).

половине 2019 г., составило в среднем минус 20% (до 132 руб./кг), продолжается и на настоящий момент – на 23 февраля 2020 г. цена составила уже 129 руб./кг, достигнув многолетнего минимума. Аналогичный тренд и в отношении цены на мясо кур в убойном весе: за прошлый год цена сократилась на 13% и продолжила снижение в начале 2020 г., достигнув за февраль 102 руб./кг (табл. 4).

Таблица 4. Средние цены производителей на мясо в 2019–2020 гг., руб./кг (без НДС)

Продукция	2019			2020		
	01.02	17.02	23.02	01.02	17.02	23.02
Свинина (убойный вес)	148,72	145,73	145,99	133,16	130,73	129,44
Свинина (живой вес)	99,23	96,86	97,6	82,71	81,28	80,22
Мясо кур (убойный вес)	115,32	113,76	112,02	102,42	101,96	102,02
Мясо кур (живой вес)	82,18	84,14	85,62	81,41	82,81	83,92

Источник: по данным Минсельхоза. URL: <http://www.specagro.ru/analytics/markets?page=0>

Дополнительным шоком для рынка стала пандемия. Происходящие закрытия точек общественного питания и сопутствующее сокращение расходов граждан по данной категории (–42,6% только за одну неделю самоизоляции²⁰), признание COVID-19 в качестве непреодолимой силы, оказывающей существенное влияние на повышение сроков грузоперевозок и ужесточение требований к санитарному контролю, а также рекомендации соблюдения режима самоизоляции заметно сказались на объемах внутреннего рынка.

Государство пытается помочь отрасли. Год начался с дополнительных мер поддержки отечественных производителей в рамках соглашений с ВТО – введения 25%-й пошлины на импорт свинины в Россию (которая принесет дополнительные выгоды крупным агрохолдингам, являющимся крупнейшими импортерами бразильской и иной дешевой свинины на территорию РФ). Дополнительные ограничения для импорта также ввел Россельхознадзор, усилив контроль за въезжающим из Китая транспортом с продуктами животноводства и запретив

²⁰ В период карантина вырос спрос на алкоголь. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/v-period-karantina-vyros-spros-na-alkogol-20200401-124647/> (дата обращения: 01.04.2019).

ввоз продукции животноводства в посылках, ручной клади и багаже в качестве мер защиты от коронавируса и африканской чумы свиней (АЧС). Но в первую очередь ослабить давление избыточного предложения на внутреннем рынке призвано наращивание экспорта (табл. 5).

Таблица 5. Экспорт мяса из России (без учета поставок в страны ЕАЭС в феврале 2019 г. и 2020 г.)

Продукция	Объем, тыс. т	Стоимость, млн долл.	Цена, долл./т	Объем, тыс. т	Стоимость, млн долл.	Цена, долл./т
	01.02.2019–28.02.2019			01.02.2020–29.02.2020		
Свинина	5,5	5,7	1046,8	8,4	12,6	1507,5
Мясо птицы	8,8	9,6	1089,5	15,8	25,3	1598,1

Источник: данные Минсельхоза.

Почти двукратное (плюс 78,7%, по данным ФТС) увеличение экспорта свежего и мороженого мяса за январь 2020 г. в сравнении с показателем за аналогичный период 2019 г. оказалось неожиданным даже для самих производителей, так как в обычной ситуации из-за праздников в этом месяце показатели самые низкие²¹. За февраль экспорт свинины составил 12,6 млн долл., тогда как годом ранее в этом месяце вывезли продукции на 5,7 млн долл. Экспорт мяса птицы показал еще более существенный прирост (в 1,6 раза) и составил 25,3 млн долл. Ключевым импортером по птице является Китай (экспорт в эту страну в феврале 2020 г. достиг 16,5 млн долл.). Китайский рынок насыщен свининой собственного производства, что объясняет относительно низкую цену свинины по отношению к птице, однако, после вспышки АЧС российским производителям удалось войти на китайский рынок и по свинине.

Тем не менее на китайский рынок килограмм свинины продавался ориентировочно за 1 и 1,5 долл. США в феврале 2019 г. и 2020 г. соответственно, то есть около 100 руб. по курсу ЦБ РФ (табл. 5). Минсельхоз не приводит детализации

²¹ Экспорт мяса вырос на 79%. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/33371-eksport-myasa-vyros-na-79/> (дата обращения: 01.04.2019).

по продуктам, однако, по данным ФТС и кодам ТН ВЭД²², можно приблизительно увидеть, что столь низкая экспортная цена частично обусловлена тем, что около половины экспорта приходится на субпродукты.

Кроме того, можно увидеть, что даже по ТН ВЭД 0203 «свинина свежая, охлажденная или замороженная»²³, по множеству направлений статистическая стоимость на килограмм существенно ниже рыночной и тем более внутрirosсийской, что, конечно, снижает эффект от экспансии на внешние рынки, внушает сомнения в его устойчивости.

В целом можно предположить, что в освоении китайского рынка свинины и птицы российские производители видят основной рецепт спасения от вызовов последних лет. Они определенно вышли на уровень, который является основой для политики экспансии на внешние рынки, однако именно политики, так как в качестве первоочередного риска агропроизводители отмечают сокращение государственной поддержки, и, как показывает сегодняшняя ситуация, поддержки не только прямой, но и институциональной, преимущественно протекционистско-ограничительной.

Заключение

Итак, за последнюю «пятилетку» удалось увеличить общероссийское производство свинины на 24%, чему в первую очередь способствовала государственная поддержка в рамках политики импортозамещения. Сельскохозяйственные организации произвели 3,1 млн т свинины в 2018 г., на 8% больше предыдущего года (из 3,7 млн т общероссийского производства в убойном весе). Около 40% этой продукции производят шесть крупнейших лидеров отрасли, тогда как показатели крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств неуклонно снижаются (минус 11% к предыдущему году).

²² Экспорт Российской Федерации в натуральном и стоимостном выражении по товарным позициям ТН ВЭД ЕАЭС и странам. ФТС. URL: <http://customs.gov.ru/opendata/7730176610-p5statexp4zn/> (дата обращения: 02.06.20).

²³ По субпродуктам не представляется возможным провести подобные сопоставления, так как субпродукты значительно отличаются по цене и не представлена детализация по животным.

В изменившихся условиях роста цен на сырье и импортные технологии, снижения платежеспособного спроса и борьбы за освобожденные рыночные ниши, было бы невозможно достичь существующих результатов без государственной поддержки. Нулевая ставка по налогу на прибыль, компенсация расходов по кредитам в рамках условий субсидирования, а также кредитам, предоставляемым по сниженной ставке аккредитованными банками для сельхозпроизводителей, сыграли ключевую роль в темпах развития агропромышленности в период действия контрсанкций. Однако процессы ускоренного импортозамещения исчерпывают свой потенциал, и компании среди главных рисков развитию своего бизнеса отмечают сокращение объема государственной поддержки.

Предстоящая отмена ограничений на импорт сельхозпродукции (отмена санкций и контрсанкций) уже в ближайшем будущем может создать серьезные проблемы российскому агробизнесу. Заявляемым преимуществом агрохолдингов является контроль качества «от поля до прилавка», в этих условиях, покупая мясную продукцию, потребитель все меньше рискует купить «килограмм за два», а их поддержка является условием обеспечения продовольственной независимости. Однако Доктрина продовольственной безопасности, делая акцент на продовольственной независимости, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяет потребителю. Российские потребители сталкиваются с издержками институциональных ограничений, вводимых в рамках продолжающейся протекционистской политики, тогда как предложение в большей степени подчинено геополитическим, а не экономическим факторам.

Сокращение спроса, вызванное пандемией, значительно усугубило проблему насыщенности рынка, и основным приоритетом развития отрасли в этих условиях представляется экспансия на внешние рынки. За февраль 2020 г. экспорт мяса возрос на 79% по отношению к аналогичному периоду предыдущего года. Однако нужно учитывать, что вхождению на крупнейший китайский рынок способствовала вспышка АЧС, последствия которой, как отмечает Минсельхоз КНР, планируется полностью устранить уже в 2021 г. Кроме того, по мнению авторов, детальный анализ продуктовой структуры экспорта

и его стоимости показывает «преувеличенность» результатов экспансии на внешние рынки.

Таким образом, на взгляд авторов, протекционистская политика имела некоторые ожидаемые результаты за счет создания особых условий для отечественных производителей: рост спроса на российскую продукцию за счет продовольственного эмбарго и ускоренное увеличение предложения за счет целевых мер господдержки. Однако новые вызовы обусловили возникновение обратной ситуации, где проводимая политика неэффективна: существенное сокращение спроса на фоне насыщенного рынка, созданного путем ограничения конкуренции из-за рубежа и государственных «вливаний», теперь оказывают давление на цены, в связи с чем производители мясной промышленности усиленно ищут новые точки сбыта, удержаться на которых без активной поддерживающей политики государства им будет непросто.

Литература

Барсукова С. Ю. Аграрная политика России // *Общественные науки и современность*. 2017. № 5. С. 31–45.

Барсукова С. Ю. Дилемма «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*. 2016. Т. 5. С. 63–74.

Бородин К. Г. Экономическая доступность продовольствия: факторы и методы оценки // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 22. № 4. С. 563–582. doi:10.17323/1813–8691–2018–22–4–563–582.

Капогузов Е. А., Чупин Р. И., Харламова М. С. Институциональные альтернативы продовольственного эмбарго в условиях новой волны антироссийских санкций (на материалах мясной промышленности) // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2017. Т. 8. № 3. С. 23–35.

Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Экономические санкции запада и российские антисанкции: успех или провал? // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2016. Т. 8. № 4. С. 58–79.

Нуреев Р. М., Петраков П. К. Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2015. Т. 6. № 3. С. 40–60.

Пожидаева Е. С. Импортозамещение продовольственной продукции в России: статистическое исследование // *Вопросы статистики*. 2016. № 10. С. 57–63.

Тютюник В. В. Продовольственная независимость региона // *Пространственная экономика*. 2016. № 2. С. 168–182.

Фрумкин Б. Е. Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций» // *Вопросы экономики*. 2015. № 12. С. 147–153.

Шаклеина М.В., Швецова К.Д., Шаклеин К.И. Оценка влияния санкций на рынок мяса и мясной продукции в России: анализ состояния и перспектив развития рынка // Проблемы развития территории. 2018. № 1(93). С. 57–70.

Cortright D., Lopez G.A. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft. N.Y.: Rowman & Littlefield.2002.

Oskarsson K. Economic Sanctions on Authoritarian States: Lessons Learned // Middle East Policy Council.2012. Vol. 20(4). Pp. 88–102.

Статья поступила 27.04.2020.

Статья принята к публикации 07.06.2020.

Для цитирования: Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Импортное замещение в мясной промышленности: экспансия за доллар// ЭКО. 2020. № 11. С. 104-123. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-11-104-123.

Summary

Капогузов, Е.А., *Doct. Sci. (Econ.), Dostoevsky Omsk State University, Omsk*
Чупин, Р.И., *Cand. Sci. (Sociology), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Kharlamova, M.S., *Omsk Scientific Centre, SB RAS, Omsk*

Import Substitution in the Meat Industry: Expansion for One Dollar

Abstract. The agro-industrial complex faced another unexpected strength test. Reduced demand, especially due to suspended operation of catering and shopping centers, reduced incomes and new institutional barriers caused by the pandemic and protectionist policies, demonstrated problems and advantages of accelerated development.

The food embargo and the current policy of import substitution “cleared the way” for domestic producers in the saturated competitive food market and ensured augmented demand and supply of Russian products respectively. However, protectionist policies produced some expected results precisely in the created “greenhouse conditions”. In the current situation of the coronavirus pandemic, a significant reduction in demand against the background of increased supply, which was achieved due to state support and absence of foreign competition, is now putting pressure on prices. For this reason, meat producers are intensively looking for new markets. Analysis of import substitution results, which at this stage is already exhausting its potential, showed the inefficiency of expansion policy under existing conditions. Reduction in state support for the agro-industrial complex that has become a political priority manufacturers point out as the main risk of further development.

Keywords: *meat industry; food embargo; sanctions; coronavirus pandemic; food independence; food security; pandemic; expansion into foreign markets*

References

Barsukova, S. Yu. (2016). The dilemma of the “Farmers vs Agricultural Holdings” in the context of import substitution. *Social Sciences and Contemporary World*. Vol. 5. Pp. 63–74. (In Russ.)

Barsukova, S. Yu. (2017). Agrarian policy of Russia. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. Pp. 31–45. (In Russ.)

Borodin, K.G. (2018). Economic affordability Food: factors and assessment methods. *Economic Journal of the HSE*. Vol. 22. No. 4. Pp. 563–582. (In Russ.)

Cortright, D., Lopez, G.A. (2002). *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft*. N.Y.: Rowman & Littlefield.

Frumkin, B.E. (2015). The agro-industrial complex of Russia in the conditions of the “war of sanctions”. *Issues of Economics*. No. 12. Pp. 147–153. (In Russ.)

Kapoguzov, E.A., Chupin, R.I., Kharlamova, M.S. (2017). Institutional alternatives to the food embargo in the face of a new wave of anti-Russian sanctions (based on the materials of the meat industry). *Journal of Economic Regulation*. Vol. 8. No. 3. Pp. 23–35. (In Russ.)

Nureev, R.M., Busygin, E.G. (2016). Western economic sanctions and Russian anti-sanctions: success or failure? *Journal of institutional studies*. Vol. 8. No. 4. Pp. 58–79. (In Russ.)

Nureev, R.M., Petrakov, P.K. (2015). Ordinary consumer: the burden of economic sanctions against Russia. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 6. No. 3. Pp. 40–60. (In Russ.)

Oskarsson, K. (2012). Economic Sanctions on Authoritarian States: Lessons Learned. *Middle East Policy Council*. Vol. 20(4). Pp. 88–102.

Pozhidaeva, E.S. (2016). Import substitution of food products in Russia: a statistical study. *Statistics*. No. 10. Pp. 57–63. (In Russ.)

Shakleina, M.V., Shvetsova, K.D., Shaklein, K.I. (2018). Assessment of the impact of sanctions on the meat and meat products market in Russia: analysis of the state and prospects of market development. *Problems of Territory Development*. Vol. 93. No. 1. Pp. 57–70. (In Russ.)

Tyutyunik, V.V. (2016). Food independence of the region. *Spatial Economics*. No. 2. Pp. 168–182. (In Russ.)

For citation: Kapoguzov, E.A., Chupin, R.I., Kharlamova, M.S. (2020). Import Substitution in the Meat Industry: Expansion for One Dollar. *ECO*. No. 11. Pp. 104–123. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-104-123.